

Н. Молчанова

Воронеж

**«Критическая книга» К.Д. Бальмонта
«Горные вершины» как выражение литературно-
эстетических взглядов поэта-символиста**

Поэтическое наследие К.Д. Бальмонта, в последние десятилетия вернувшееся в издательскую практику, вызывает интерес у самой широкой аудитории. В сферу читательского внимания постепенно стала вовлекаться автобиографическая проза поэта: его роман «Под новым серпом», сборники рассказов и очерков «Воздушный путь», «Где мой дом» выдержали уже несколько изданий, явились предметом научных исследований. Пожалуй, наименее изученной на сегодняшний день остается литературно-критическая деятельность Бальмонта, включающая в себя его многочисленные статьи, эссе, лекции, мемуары, литературные портреты. Помимо трех выпущенных поэтом книг («Горные вершины», «Морское свечение» и «Белые зарницы»), они разбросаны в отечественной и эмигрантской периодике. Специалисты по истории критики Серебряного века (М.В. Михайлова,¹ В.Н. Крылов,² А.С. Шемахова³), разумеется, учитывают весь этот «пласт», анализируя бальмонтовские размышления о литературе, искусстве и религии. Однако сами тексты, в которых отразились этико-эстетические искания поэта-символиста, до сих пор являются библиографической редкостью. Правда, в шестой том семитомника издательства «Книжный Клуб Книговек» (М., 2010) были включены статьи из книг «Горные вершины» и «Белые зарницы», но вошли они сюда в сокращенном, «изуродованном» виде, с большим количеством ошибок и без всяких комментариев. Более удачным представляется издание «Константин Бальмонт о русской литературе» (Москва-Шуя, 2007), подготовленное А.Д. Романенко.

«Горные вершины» – первая и, пожалуй, лучшая книга критической прозы Бальмонта, вобравшая в себя лекции, прочитанные им в конце 1890-х – начале 1900-х годов в Оксфордском институте, Историческом музее в Москве, в Свободном Русском Университете в Па-

риже, а также вступительные статьи к переводимым поэтом и его друзьями авторам: Э. По, К. Гамсуну, О. Уайльд.

Бальмонт даёт здесь яркие, выразительные «литературные портреты» тех писателей, которые казались ему наиболее созвучными современным художественным запросам и его собственным духовным исканиям. Вот, например, как предстаёт в статье «Призрак меж людей» «мой лучший брат, мой светлый гений» – Шелли: «Прекрасное существо, с большими голубыми глазами, достигавшими в минуты возбуждения необыкновенного блеска, волосами нежными, как пряди шелковистой паутины, с красивыми руками, созданными для красивых движений, с лицом, напоминающим не мужчину, не женщину, но существо с другой планеты, с походкой лёгкой, как движение призрака, дух, заключённый в земной оболочке, – Шелли в продолжении всего своего существования на земле был в каком-то идеальном возбуждении; он всегда как бы помнил о другом более красивом мире, откуда он пришёл...».⁴

Совсем другая ипостась личности писателя раскрывается в статье «Поэзия Оскара Уайльда»: «Оскар Уайльд любил Красоту и только Красоту, он видел её в Искусстве, в наслаждениях, и в молодости. Он был гениально одарённым поэтом, он был красив телесно и обладал блестящим умом, он знал счастье постепенного расширения своей личности, увеличение знания, умножение подчинённых, расцвет лепестков в душе, внешнее роскошество, он осуществлял, до чрезмерной капризности, все свои “Хочу!”, – но, как все истинные игроки, он в решительный момент не рассчитал своих шансов сполна и лично удостоверился, что председательствует во всех азартных играх – Дьявол».⁵

Однако это не только сборник статей о великих западноевропейских и русских авторах, не просто, говоря словами самого поэта, некий «умственный гербарий», свидетельствующий о его незаурядной эрудиции. Подобно тому, как символисты 1900-х годов создавали новое сверхжанровое образование «поэтическую книгу», Бальмонт одним из первых пытался преломить аналогичные принципы, выстраивая структуру своей «критической книги». По наблюдению И.В. Фоменко, «книга стихов как циклическое образование претендует на универсализм, “всеохватность”».⁶ Все включенные в «Горные вершины» статьи объединены сквозной эстетической проблематикой, бальмонтовской концепцией творческой личности, эпигра-

фами и цитатами как из произведений «героев» книги, так и из авторских лирических стихов, являющихся своеобразными скрепами. У книги «кольцевая» композиция: первая концептуально значимая статья называется «Поэзия ужаса», последняя – «О чудовищах»

Эпиграфом к «Горным вершинам» послужило «индийское изречение»: «Великие умы, как горные вершины, / Горят издалека». Сам Бальмонт позднее называл автором этого изречения Калидасу, которого он любил и успешно переводил. По-видимому, можно найти здесь и отсылку к Лермонтову, характеристика творчества которого дается в статье «О русских поэтах». А. Блок в своей сочувственной к «субъективной критике» рецензии на «Горные вершины» отмечал, что эта книга, «более слабая в “русском отделе”, приобретает для нас большую ценность в “европейском”». ⁷ Ф. Гойя, Кальдерон, У. Блейк, Эдгар По, Ш. Бодлер, Шелли, О. Уайльд, К. Гамсун – вот те главные «великие умы», которые «горят издалека», и представляют в бальмонтовской книге «целый пантеон мировой литературы и искусства» (А. Блок). В «пантеоне» поэта есть, однако, своя система художественных ценностей. Здесь практически не представлена немецкая литература, хотя известно, как высоко ценил Бальмонт, например, творчество Гете, Гофмана, Ленау. В отличие от В. Брюсова и других ранних символистов, Бальмонт, стремясь отыскать истоки символического мировидения, ориентировался не на французскую, а на английскую, испанскую и скандинавскую литературы. Исключение было сделано им лишь для Бодлера с его «Цветами зла», чрезвычайно важными для символистского понимания искусства.

По мнению автора «Горных вершин», красота абсолютна, она вмещает в себя не только красоту гармонии и добра, но и красоту ужаса и зла. Такая позиция означала серьезный перелом в мировоззрении Бальмонта, по сравнению с ранним творчеством 1890-х годов. Правда, уже в его книгах «Под Северным Небом» (1894) и «Тишина» (1898) появляется сначала стихотворение «Кошмар», а затем лирический цикл «Кошмары». Однако там «кошмарное» – это то, что мешает лирическому герою постичь правду Бога, услышать голос вселенского «молчания», оно постоянно ассоциируется с «пустотой». В 1900-е годы приверженец чистого эстетизма, неземной красоты, светлой лазури, Бальмонт оказывается во власти мучительных противоречий, которые, как ему представляется, должны стать основой современной лирики.

«Ужасное» – одна из весьма существенных этико-эстетических категорий русского символизма, которую исследователи чаще всего связывают с так называемым «нравственным релятивизмом» его создателей.⁸ «Гармония сфер и поэзия ужаса – это только два полюса красоты»,⁹ – писал Бальмонт в статье «Поэзия ужаса», посвященной живописи Ф. Гойи. Здесь красоте «гармонии сфер», «мировой идеальной соразмерности» и «правильности узоров, составляющих единую ткань», наиболее полно воплотившихся в эллинском искусстве, он противопоставляет другую «правду» творчества. Она включает в себя «...не единство Высшего, а бесконечность враждебно-сталкивающихся разнородных сущностей». Тогда возникают «...вместо мраморных видений, созданных эллинской фантазией, <...> – халдейские демоны с головою льва, ушами шакала и лапами хищной птицы <...>, вместо нежной элегии – хохот Свифта; вместо кроткой пасторали – роман Достоевского».¹⁰ «Безумного» Эдгара По Бальмонт называет «величайшим из поэтов-символистов», «гением открытий», который творил в состоянии «величайшего экстаза» и «от самых воздушных гимнов серафимам переходил к самым чудовищным ямам нашей жизни, чтобы через остроту ощущения соприкоснуться с иным миром, чтобы и здесь, в провалах уродства, увидеть хотя серное сияние».¹¹ В Бодлере он видит «вид мучительства над самим собой, неудержимое стремление входить в диссонансы и вводить себя в волну противоречий».¹² Приведенные высказывания характеризуют творческую позицию самого поэта. Бальмонт был уверен, что мгновения творческого («расширенного и углубленного») видения мира «бывают у каждого, как бы в подтверждение великого принципа равноправности всех душ».¹³ Вместе с тем он признаёт существование особой «породы» людей, «острее и глубже других сосредоточивших в себе тайну понимания мировой жизни».¹⁴ Это «избранники судьбы», такие, как особенно близкий Бальмонту Шелли («Призрак меж людей»), по-разному прошедшие «сквозь строй» Оскар Уайльд и Некрасов.

Очевидно, в выделении поэтом особой «породы» творческой личности есть точки соприкосновения с идеями Ф. Ницше, которого Бальмонт называл: «Самый блестящий поэт-философ 19-го столетия».¹⁵ В то же время в своем толковании «свехчеловека» Бальмонт скорее опирался на Гете, чем на Ницше. Позднее он писал: «Все уз-

нать, все понять, все обнять – вот истинный лозунг *Übermensch*'а – слово, которое Гете употреблял раньше Ницше с большим правом». ¹⁶

Заметное место в книге занимала оксфордская лекция «О русских поэтах», адресованная главным образом английской аудитории. При всей субъективности бальмонтских оценок поэзии Пушкина, Лермонтова, где, как ему кажется, «...нет таинственности. Здесь все просто, ясно, и определено», ¹⁷ в ней много любопытных суждений: о двух «полосах движения русской поэзии», о психологизме лирики Фета, о ценности для поэтов-символистов традиций лирики Некрасова.

Бальмонт никогда не претендовал на роль теоретика символизма, только одна «серединная» статья из «Горных вершин» – «Элементарные слова о символической поэзии» – носила программный характер и ставила своей задачей разграничить, хотя бы в самых общих чертах, понятиях: декадентство, символизм и импрессионизм. Эта статья неоднократно переиздавалась и исследовалась, вошла во многие хрестоматии по истории русской литературы Серебряного века.

Важно отметить, что поэт обратился к трудному жанру литературного обзора, включив в книгу содержательное исследование «Тип Дон Жуана в мировой литературе», где обнаружил, помимо энциклопедического знания текстов самых разных авторов, глубокое понимание трагической силы, заложенной в этом «вечном образе» и в самой природе любви. Вызывает некоторое удивление, что в его литературном обзоре нет хрестоматийных имен Мольера, Байрона, лишь вскользь упоминается опера Моцарта и «маленькая трагедия» Пушкина. Вместе с тем здесь есть тексты, которые никто до Бальмонта не рассматривал в «донжуанском» ключе, в частности, поэма Хосе де Эспронседы «Саламанкский студент». Для поэта несомненно, что «Дон Жуан не только мировой тип, но и испанский, прежде всего испанский», это «цветок, выросший на особой почве, в особой стране, исполнен причудливой красоты и экзотической чрезмерности». ¹⁸

В «Горных вершинах» раскрывается для читателей еще один «клик» Бальмонта (а поэт любил это слово): переводчик, прекрасно передавший не только содержание и ритм «Испанских народных песен», но и собственное «переложение» сонета Бодлера «Смерть влю-

бленных», известного стихотворения Эдгара По «Аннабель-Ли», драмы Кальдерона «Жизнь есть сон» и т. д.

¹ Михайлова М.В. Литературно-критические взгляды К.Д. Бальмонта [На материале книг «Горные вершины», «Белые зарницы» и «Морское свечение»] // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1993. С. 24–34.

² Крылов В.Н. Жанры литературно-критических выступлений К.Д. Бальмонта // Солнечная пряжа. 2010. Вып. 4. С. 11–19.

³ Шемахова А.С. «Горные вершины» К.Д. Бальмонта // Научные записки Харьковского национального ун-та имени Г.С. Сковороды. Литературоведение. Vol. 1. № 2–70. С. 150–156.

⁴ Бальмонт К.Д. Призрак меж людей // Бальмонт К.Д. Горные вершины. М.: «Гриф», 1904. С. 131.

⁵ Бальмонт К.Д. Поэзия Оскара Уайльда // Там же. С. 115.

⁶ Фоменко И.В. Книга стихов: миф или реальность? // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение. Материалы международной научной конференции. М., 2003. С. 67.

⁷ Блок А. К.Д. Бальмонт. Горные вершины // Блок Александр. Собр. соч. В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 536.

⁸ См., например, Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.

⁹ Бальмонт К.Д. Поэзия ужаса // Бальмонт К.Д. Горные вершины. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бальмонт К.Д. Гений открытия // Там же. С. 50.

¹² Бальмонт К.Д. О «Цветах зла» // Там же. С. 54.

¹³ Бальмонт К.Д. Гений открытия // Там же. С. 49.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Бальмонт К.Д. Гении охраняющие // Бальмонт К.Д. Где мой дом. Очерки (1920–1923). Прага: Изд-во «Пламя», 1924. С. 244.

¹⁶ Бальмонт К.Д. Избранник земли // Бальмонт К.Д. Избранное. М., 1983. С. 569.

¹⁷ Бальмонт К.Д. О русских поэтах // Бальмонт К.Д. Горные вершины. С. 63.

¹⁸ Бальмонт К.Д. Тип Дон Жуан в мировой литературе // Там же. С. 201.